

О.С. Ахманова

**Словарь лингвистических
терминов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 80
ББК 81-5
О-11

О.С. Ахманова
О-11 Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова – М.: Книга по Требованию, 2013. – 608 с.

ISBN 978-5-458-52192-5

Словарь содержит и объясняет около 7 тысяч терминов всех лингвистических дисциплин (фонетики, фономорфологии, морфологии, синтаксиса, лексикологии, лингвостилистики). Термины сопровождаются переводами на английский язык и сопоставлениями из французского, немецкого и испанского языков. Указатель основных английских переводов дается в конце словаря. Словарные статьи содержат толкования терминов, иллюстрации их употребления и примеры. В приложении даны основные понятия теории стихосложения. Словарь предназначен для широких кругов филологов (преподавателей, аспирантов, студентов, научных работников и др.).

ISBN 978-5-458-52192-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

работе, в большей степени приходится полагаться на научный опыт составителя, подкрепляемый, конечно, всеми доступными пособиями и справочными изданиями.

Как можно видеть из сказанного выше, понятие метаязыка гораздо шире, чем понятие терминологии, так как метаязык включает в себя лингвистическое словоупотребление в широком смысле этого слова. Но, к сожалению, лингвистическое словоупотребление оказывается неединообразным не только вследствие большого разнообразия сосуществующих школ и направлений; может быть, еще большие трудности возникают вследствие того, что наша наука характеризовалась за тот период времени, который является основным предметом изучения в настоящей работе (грубо говоря, последние 40—50 лет), резкой сменой воззрений на язык, ярко отразившейся в научном словоупотреблении. Так, если сопоставить работы одного и того же языковеда, писавшего на одну и ту же тему, скажем, в 30-е, 40-е, 50-е, 60-е гг. текущего столетия, то можно будет легко усмотреть большое различие в употреблявшемся им метаязыке. А ведь терминология извлекается, как металл из руды, из всей совокупности метаречевых произведений исследуемого периода. Попытки создать терминологию (и вообще построить терминологическую работу) в отрыве от существующих метатаксономических систем, сосредоточиваясь только на некоторых идеальных объектах, пока еще не давали положительных результатов. Как бы мы ни старались абстрагироваться от реальных употреблений метаязыка, от реальной метаречи, найти доступ к чистым объектам, никак заранее не препарированным, — мы все равно рано или поздно окажемся вынужденными сравнить свои результаты с накопленными ранее.

Суммируя изложенное, можно привести следующий пример. В течение долгого времени, т. е. фактически с тех пор, как был переведен на русский язык курс де Соссюра, и до недавних пор употребление слов «язык» и «речь» было «интеллигентным» и общепринятым способом выражения соответствующих понятий. Затем начали появляться многочисленные другие способы выражения как будто бы той же самой основной дихотомии: «инвариант» — «вариант», «код» — «сообщение», «интенционал» — «экстенционал», «теоретико-множественный подход» — «подход теоретико-вероятностный», «первичные параметры» — «вторичные параметры» и т. п., и т. д. И постепенно выяснилось, что это все не просто разные термины, а разные названия для принципиально одного и того же научного объекта. Оказалось, что употребление той или другой из приведенного ряда пар — это также факт метаречевого стиля, что уже можно наметить иерархию и соответствующие ей степени распространения соответствующих разновидностей лингвистического метаязыка. И здесь тоже выявилась постепенно своя социолингвистическая специфика. Есть группа языковедов, которые пользуются только терминами «язык» и «речь» с полным исключением всех последующих. Есть и такие, которые, заменив «язык» и «речь» «инвариантом» и «вариантом», только слышали о «первичных» и «вторичных» «параметрах» и «теоретико-множественном» — соответственно, «теоретико-вероятностном» «подходах», но, конечно, никогда не употребляли бы этих терминов в своей речи, не видя никакой необходимости

активизировать эти выражения. Именно эта последняя точка зрения принята в настоящем словаре: выражения «теоретико-множественный подход», «теоретико-вероятностный подход», «первичные параметры», «вторичные параметры» и т. п. не включены в его словарь.

В предыдущем изложении представлялось наиболее важным обосновать понятие метаязыка, отграничивая его от терминологии в собственном смысле слова. Однако проведение вполне определенного различия между понятием метаязыка, с одной стороны, и собственно терминологии, — с другой, не имело в виду в какой-либо мере умалить значение последней, напротив, именно терминология и привлекает к себе внимание исследователя в первую очередь. Распространенные сейчас жалобы на неудовлетворительность современной лингвистической терминологии, на ее крайнюю неупорядоченность и непоследовательность имеют в виду, главным образом, или даже исключительно, собственно те понятия и соответствующие им названия, которые, не совпадая с понятиями метаязыка в целом, составляют самую существенную его часть.

Кроме того, говоря о терминологии, необходимо учитывать различие, которое проводится у нас достаточно последовательно между понятиями терминологии и номенклатуры. Терминология — это система понятий данной науки, закрепленных в соответствующем словесном выражении. Номенклатура же — это система названий для данной совокупности более или менее конкретных объектов, составляющих содержание различных частей данной научной области в целом. Так, например, «агглютинация», «флексия», «фонема», «грамматика» — это термины, служащие для выражения и закрепления общелингвистических таксономий. Саксонский генитив на «с», русские синонимичные союзы «только — токмо», арабский «айн» и пр. — это номенклатурные знаки, названия частных объектов, количество которых совершенно необозримо велико¹. О том, чтобы включить все их в однотомный лингвистический словарь, конечно, не может быть и речи. Поэтому в настоящей книге номенклатура в основном ограничивается русским языком с добавлением более известных явлений из более распространенных языков. Предпочтение, которое отдавалось номенклатуре русского языка, вполне логично. Оно оправдано тем, что было сказано выше об основных задачах и целях данного словаря. Привлечение материала наиболее распространенных европейских языков, а также латинского и греческого, оправдывалось и тем, что общее языкознание до сих пор основывается на общелингвистической терминологии, вырабатывавшейся преимущественно на базе индоевропейских языков. Что же касается языков других систем и тем более языков редких, то в словаре этого объема неизбежно пришлось отказаться не только от большей части их номенклатур, но также и от целого ряда специфических терминов, необходимых для их научного описания.

Теоретически рассуждая, научный термин должен являться завершающим этапом по отношению к научному исследованию соот-

¹ А. А. Реформатский Что такое термин и терминология, М., 1959.

ветствующих реальных объектов. Однако нередко бывает и так, что исследователь уже с самого начала оказывается вынужденным оперировать некоторой системой терминов, лишенных четко определенного содержания. В результате нередко складывается такое положение, когда метатеоретическое исследование превращается в самостоятельный научный процесс. Хотя, вообще говоря, термины не могут возникнуть иначе, как в результате научной абстракции, тем не менее они постепенно могут приобрести известную и даже значительную автономию. Тогда становится необходимым исследовать структуру данной терминологической системы, сравнивать ее с другими системами «изнутри», как таковую. Иными словами, становится необходимым различать по крайней мере два понятия: понятие таксономии и понятие метатаксономии. Какое же содержание следует вложить в эти два термина? Лингвистическая таксономия — это исследование разнообразных объектов лингвистики в плане их научной систематизации. Метатаксономия — это научная систематизация на уровне метаязыка. Это упорядочение системы тех выражений, тех знаков и обозначений, которые используются, когда говорят о лингвистических объектах.

Значение этого разграничения не является только теоретическим. Оно чрезвычайно важно для того, чтобы было понятно, почему отказ от некоторой таксономической системы вовсе не обязательно влечет за собой одновременный отказ от соответствующей метатаксономической системы. Так, например, когда дескриптивная лингвистика утратила свое исключительное влияние как лингвистическое направление, это отнюдь не привело к отказу от разработанной ею терминологической системы. Напротив того, на смену сошедшему со сцены направлению приходит новое, и оно нередко предлагает совершенно новую терминологическую систему. И пока лингвисты овладевают новым метаязыком, они не могут перестать писать или разговаривать друг с другом, они продолжают, хотя бы этого или не хотят, пользоваться прежней метатаксономической системой, несмотря на то, что она уже не соответствует новейшим идеям. Иногда это обстоятельство, в известном смысле, тормозит творческую мысль, но это далеко не всегда так. Нередко те метатаксономические категории, которые казались когда-то утратившими свое значение, возрождаются и получают широкое распространение в новейшем метаязыке данной науки. При этом, само собой разумеется, жизнеспособность той или иной терминологической системы определяется в первую очередь ее упорядоченностью и последовательностью соотношения содержания и выражения. Думается, что именно по этой причине продолжает активно употребляться так называемая алло-эмическая терминология. Нельзя не заметить, в частности, что при обсуждении работ представителей смежных наук, желающих разговаривать о лингвистике, неизменно обращаются к этой терминологии как к своего рода «лингвистическому эсперанто», переводя на нее предлагаемые новые названия. Очень яркие примеры этому можно обнаружить в дискуссиях и обсуждениях, имевших место на IX Всемирном съезде лингвистов.

В этой связи необходимо остановиться на вопросе о тех многочисленных терминах, которые широко заимствуются лингвистами из математики, физики и других наук. Вообще говоря, роль такого

рода заимствований для междисциплинарных исследований очень велика, так как позволяет устанавливать научное общение между представителями разных специальностей. Однако на практике процесс этот оказывается очень сложным, причем в нем уже совершенно явно наметились следующие неблагоприятные тенденции: при заимствовании термина другой наукой нередко утрачиваются его важные свойства и он возвращается представителям первой из обменивающихся наук в «поврежденном» виде: нередко такой термин утрачивает однозначность и точность, которыми он обладал потому, что входил в определенную терминологическую систему. Он не приобретает соответствующих новых свойств вследствие того, что по отношению к заимствующей системе оказывается случайным, чужеродным вкраплением, не нашедшим места в данной системе терминов. К этому следует добавить, что вообще создание и использование термина не может замыкаться лишь его «лексическим» (или номенклатурным) аспектом. Содержание термина полностью раскрывается только через его реальное функционирование, через данный «метасинтаксис», т. е. только тогда, когда он выступает как элемент данного метаязыка. Найдя свое место в логическом синтаксисе данной метатеории, новый термин дает толчок теоретической мысли. Если же, как это теперь нередко делают в отношении математической терминологии, термины вводятся поодиночке, то они только дискредитируют лингвистику, придавая ей псевдоматематический вид и никак не способствуя ее действительному развитию. Из сказанного, конечно, не следует, что лингвисты вообще не имеют права пользоваться в своих работах терминами других наук. Но простое введение в текст лингвистического сочинения термина математики, физики и т. п. никак не может превратить его в термин языкознания. Поэтому, хотя такие термины, как «алгоритм», «исчисление», «матрица», «энтропия» и т. п., встречаются теперь в некоторых стилях лингвистической литературы, их никак нельзя считать частью метаязыка лингвистики и нет никаких оснований включать их в настоящий словарь¹.

Как можно было видеть из изложенного выше, проблемами первостепенной важности для металингвистики являются следующие: 1) проблема метаязыка, его отношения к терминологии и номенклатуре и вытекающие отсюда общие вопросы таксономии и метатаксономии данной науки; 2) проблема развития данной терминологической системы, отношений и связей различных терминологических систем и разных школ и проблема преемственности в терминологии.

Рассмотрение этих двух проблем подводит нас вплотную к основной проблеме, ядру всего исследования, а именно к проблеме соотношения термина и понятия: предмет → его отражение в сознании → понятие → слово. Слово (соотв., его эквивалент) в его отношении к понятию (соотв. предмету), с одной стороны, и к данной метатаксономической системе — с другой.

¹ О том, насколько сложным оказывается иногда взаимоотношение в этом аспекте разных наук, можно видеть из замечаний проф. Р. Якобсона в заключительной речи на IX съезде лингвистов. В частности, оказывается, что термин «избыточность» (redundancy) известен филологии уже со времен Квинтилиана.

Терминология данной научной области — это не просто список терминов, а семиологическое выражение определенной системы понятий, которая, в свою очередь, отражает определенное научное мировоззрение. Поэтому хотя толкование того или другого термина нередко допускает значительные расхождения между представителями различных лингвистических направлений, это отнюдь не исключает, как правило, таких определений, которые исходили бы из существенных признаков обозначаемого явления. Однако это несомненное положение не всегда представляется бесспорным. Нередко создается впечатление, что единственным направлением в металингвистике должно быть направление нормативное, что задача состоит теперь в том, чтобы, разработав определенные рекомендации относительно формы и употребления терминов метаязыка, убедить всех языковедов принять эти рекомендации и неуклонно применять их. Нисколько не преуменьшая того значения, которое такая работа имеет для данной метатеоретической области, следует со всей решительностью подчеркнуть, что первоочередной и реально выполнимой задачей сейчас является лексикографическое описание того (пусть несовершенного, непоследовательного и разнокалиберного) языка, посредством которого языковеды общаются между собой и который они применяют в преподавании. В частности, для настоящего словаря было найдено вполне возможным ориентировать метаязык толкований на современное состояние металингвистического словоупотребления в СССР, постараться отразить ту разновидность метаязыка лингвистики, которая находит в настоящее время более или менее устойчивое применение в квалифицированных вузовских лекциях и основных лингвистических монографиях. При этом автор стремился применять язык (метаязык) как можно более ограниченный, делать его как можно более однородным, экономным, сокращая число используемых единиц, т. е. употребляя как можно меньше разных слов и выражений и повторяя каждое из них как можно чаще. Была также поставлена неукоснительно выполнявшаяся задача — не вводить в толкования (в авторский текст вообще) ни одного термина, не разъясненного на своем месте в словаре.

Описывая данную терминологическую систему, необходимо найти способ раскрытия — как в толкованиях, так и, что особенно важно, в лексикографической трактовке — родо-видовых связей между отдельными единицами. Как известно, определение термина, даваемое в толковом терминологическом словаре, представляет собой утверждение, раскрывающее те свойства данного понятия, которые необходимы и достаточны для установления его содержания и отличия его от других понятий. Поэтому необходимо точное представление о существенном признаке предмета, т. е. таком его признаке, который отражает (представляет) конституирующие (коренные, базисные) его свойства. Например, для падежа это свойство — устанавливать отношение между предметами мысли посредством придания выражающим их (указывающим на них) словам соответствующего морфологического изменения. Этот признак является общим для всех категориальных форм падежа. В отличие от общего индивидуальный признак — это признак, отраженный только в дан-

ном видовом термине и не разделяемый с ним другими видовыми терминами, например, признак «исходности» именительного падежа, проявляющийся в его способности выступать в предложении в качестве подлежащего и служить для выражения субъекта действия. На этой основе категориальные формы падежа выступают как соподчиненные понятия, находящиеся в одинаковых связях с одним и тем же подчиняющим понятием. Естественно, что этому основному принципу — *per genus proximum et differentiam specificam* подчиняется и построение словарного гнезда, в которое включаются в том или ином виде все видовые термины. В тех же случаях, когда составной термин формально совпадает в одной из своих частей с термином родовым, но не связан с ним родо-видовыми отношениями по содержанию, он выносится за пределы гнезда.

Ясно, что осуществление этого принципа требовало внимательного логического анализа прежде всего составных терминов. Так, например, такой термин как «речевой аппарат» (в отличие от такого термина как «именительный падеж») должен толковаться на своем месте, т. е. под прилагательным, потому, что в пределах данной терминологической системы он не связан с другими «аппаратами» («критическим» и т. п.) родо-видовыми отношениями. Напротив, например, грамматика дескриптивная, историческая, описательная, сопоставительная и т. п. — это разные виды грамматики, почему все эти термины и даются в одном гнезде. При этом необходимо обратить внимание и на то, что такого рода гнезда обязательно связываются ссылками с соответствующими прилагательными, что позволяет отобразить в словаре системные связи различных элементов данного метаязыка.

Принцип *genus et differentia*, столь ясный в теории, встречает, однако, большие трудности при практическом его применении к данному терминологическому материалу. В предлагаемом словаре особенно большие затруднения представили «многоступенчатые» образования, где бывает трудно провести границу между термином и толкованием, так как здесь сближаются такие понятия, как описательный термин, с одной стороны, и отрывок (сегмент) метаречи, — с другой. Например, следует или не следует включать в словарь такие словосочетания, как «слабоуправляемые члены распространенного предложения», «бесподлежащее предложение неопределенно-личное», или даже такие, как «безличная нулевая связка» и т. п.? В таких случаях, как «глагольные предложения личные нераспространенные с предикативным членом и нулевой связкой», мы явно имеем сегмент метаречи, который мог быть введен в словарь только в качестве иллюстрации употребления соответствующих терминов. Думается, что однозначный ответ на подобные вопросы невозможен принципиально, а не только вследствие неразработанности вопроса о языке и речи вообще. Такие факты вновь и вновь подтверждают известный тезис о полной и принципиальной невозможности отрыва языка от речи. Исключительный интерес представляют в этом аспекте материалы и исследования Советской терминологической комиссии под руководством А. Б. Шапиро, в частности в связи с конфронтацией ее собственных исследований и работ соответствующей комиссии в Чехословакии (см. ниже, стр. 15).

Более частным, но все же очень важным оказывается также сле-

дующий момент: сплошь и рядом невозможно отразить логическую зависимость терминов в одном словарном гнезде просто вследствие очень большого разветвления родо-видовых отношений. Так, например, в таких случаях, как «гласные», «согласные», «звук», «предложение», «слово», «словосочетание», «форма», пришлось применить совершенно особый способ лексикографического оформления¹. Вряд ли нужно указывать, что во всех подобных случаях речь идет о классификациях на уровне данных терминологических микросистем, входящих как часть в метаязык лингвистики. Здесь же надо упомянуть и о таких гнездах, как «именительный падеж», «винительный падеж», «дательный падеж» и т. п., которые, являясь видовыми по отношению к родовому термину «падеж», в свою очередь, выступают как родовые по отношению к «именительный предикативный», «винительный двойной», «дательный эксклюзивный» и т. п.

Наряду с родо-видовым принципом первостепенное значение имеет так называемый принцип дополнительности: значение одного термина должно, по идее, кончатся там, где начинается значение другого. Для проведения в жизнь этого принципа необходим детальный компонентный анализ терминов, построенный на выделении существенных признаков, их объединении (сложении), необходимом для выявления содержания данного термина и их разъединении (вычитании), если задача состоит в том, чтобы придать исследованию последовательный характер.

Очень важным вопросом является вопрос о том, к каким частям речи принадлежат или должны принадлежать лингвистические термины: ограничивается ли терминология данной области знания существительными или же в нее входят также прилагательные, глаголы и другие части речи. Отвечая на этот вопрос, следует прежде всего обратить внимание на то, что в европейских языках система существительных настолько развита, имеют настолько неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные существительные, образованные от основ прилагательных, что основной состав терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными. Что касается глаголов, то для языковедческой терминологии они не типичны и легко могут быть заменены отглагольными существительными. Правда, есть несколько глаголов, которые довольно часто употребляются в лингвистическом метаязыке, например, такие, как «склоняться», «спрягаться», «обособляться», «грамматизироваться» и т. п. Но это уже сфера данной разновидности речи, которая в настоящем словаре представлена не в толкуемых словах, а в самих толкованиях и пояснениях. Что же касается терминов, то, конечно, здесь несравненно более естественно употребить, продолжая исполь-

¹ Особый случай представляют такие терминологические словосочетания, как «винительный времени», «винительный меры», «винительный места» и т. д. Поскольку толкование здесь неизбежно приобрело бы тавтологический характер (например «Винительный падеж со значением времени», «Винительный падеж со значением места» и т. п.), решено было давать общее определение термину «винительный падеж», а затем указывать, каким образом это общее значение может быть конкретизировано в терминологических словосочетаниях указанного типа.

зовать тот же пример, существительное как выражение соответствующих понятий, т. е. соответственно такие отглагольные существительные, как «склонение», «спряжение», «грамматикализация», «обособление» и пр. В метаречи, естественно, могут встретиться любые словоформы; вполне можно представить себе предложение, содержащее такие словоформы, как «субстантивировался», «субстантивировавшийся», «субстантивирующийся», «субстантивируемый» и т. д., но как *т е р м и н*, как объект соответствующих пояснений, естественно, выступит только «субстантивация».

Сложнее обстоит дело с прилагательными и причастиями, поскольку представители этих категорий слов могут выполнять в данной терминологической системе разнообразные функции. Прежде всего, надо выделить, отграничить ту специфическую терминологическую функцию, которую прилагательные приобретают в случаях субстантивации. Здесь они явно приравниваются к существительным, и, конечно, хотя такие слова, как «фрикативный», «гласные», «согласные», «сонорный», «редуцированный» и пр. и являются первоначально прилагательными, они войдут в словарь русского и других европейских языков в виде, фактически не отличающемся от того, который имеют в данном метаязыке существительные.

Заметим, между прочим, что не менее легко субстантивируются в терминологической системе и наречия. Так, например, в лингвистике имеется целый ряд терминов, заимствованных из области теории музыки. Например, «алLEGRO» (термин более приемлемый, чем его описательный эквивалент «быстрый темп речи») является уже не наречием, а синонимом субстантивного словосочетания, т. е. существительным.

Возвращаясь к прилагательным, следует прежде всего указать на ту специфическую терминирующую функцию, которую они выполняют, наряду с причастиями, образуя термин в сочетании с существительным. Например: «номинативное предложение», «страдательный залог», «качественное прилагательное», «совершенный вид» и т. д. Однако необходимо при этом тщательно различать, с одной стороны, терминирующую функцию прилагательного, когда оно вместе с определяемым существительным входит в словник в качестве совершенно равноправного термина, от тех случаев, когда прилагательное и причастие, обозначающие отношение к понятию, выражаемому существительным, сами по себе не несут терминологического характера, не являются терминами и поэтому могут включаться в терминологический список, соответственно в словник, словарь, очень ограниченно, т. е. только в тех случаях, когда в картотеке имелось значительное количество словосочетаний с данным прилагательным. В качестве примера можно привести «глагольный», «местоименный», «инфинитивный» и т. д. Толкования таких прилагательных не могут не связываться с соответствующими существительными. В случае однозначности такого прилагательного (или полного соответствия семантической структуры прилагательного семантической структуре соответствующего существительного) оно толкуется в словаре по формуле «прил. к ...». Например, «Инфинитивный. *Прил. к инфинитиву*».

Говоря о форме терминологических единиц, в данной связи необходимо также отметить значительную распространенность в русской

металингвистической традиции составных терминов с существительным в качестве определяющего члена, таких как «обстоятельства цели», «части речи» и пр.

В последнее время в литературе все чаще высказывается мнение, что лингвистическая терминология должна быть интернациональной и что нужно всячески избегать идиоматических, национально окрашенных терминов. Особенно оживленная дискуссия ведется по этому вопросу между славистами, в частности, в связи с работами терминологической комиссии, назначенной еще IV съездом славистов. Например, предлагается отказаться от таких терминов, как «неопределенное наклонение», «родительный падеж» и т. п., заменив их такими терминами, как «инфинитив», «генитив» и т. п.

Если подойти к этому вопросу с точки зрения чисто теоретической, то вполне можно представить себе всю лингвистическую метатаксономию как некую международную систему, где каждый термин одновременно существует в энном количестве национальных (фонетических и морфологических) вариантов. Например, можно, как полагают некоторые, считать, что русское «фонема», английское *phoneme*, французское *phonème*, немецкое *Phonem* — это не разные слова, а аллолексы одной и той же лексемы, разные фонетические варианты одного и того же слова как части всемирного языка лингвистики. Так, в частности, подходит к вопросу Г. Глисон. Однако не менее авторитетные ученые выдвигают совершенно противоположную точку зрения, справедливо указывая на то, что формальное совпадение терминов различных языков нередко не только не облегчает международное общение, но, напротив, затрудняет его, так как создает для пользующихся ими видимость равенства, соответствия, которое на самом деле оказывается иллюзорным.

Что касается настоящего словаря, то этот вопрос был подвергнут специальному изучению. Была сделана попытка заменить все русские термины их иностранными эквивалентами, т. е. попробовать последовательно пользоваться только такими словами, как «генитив», «аккузатив», «инструменталис» и т. п., но эта попытка привела к результатам настолько искусственным, что от этого принципа пришлось отказаться и при наличии дублетов этого рода отдавать предпочтение наиболее распространенному (под предпочтением здесь понимается: где поместить толкование и какое слово дать с ссылкой).

Хотя вопрос о соотношении таких терминов, как «генитив» — «родительный падеж» и т. п., и толкуется большей частью в плане нормативном, т. е. с точки зрения возможности интернационализации терминологии и вообще вытеснения соответствующего дублета, — этим аспектом данная проблема не ограничивается. Эта проблема представляет собой часть более широкой и более сложной проблемы — проблемы терминологических дублетов (а чаще триплетов, тетретов, пентетов и пр.), которые ошибочно до сих пор нередко называются синонимами. Терминологические дублеты (триплеты и т. д.) — это слова, которые объединяются особой терминологической соотносительностью с одним и тем же научным объектом. При этом соотносятся они не как «слова», не как таковые, а только вследствие невозможности обнаружить существенное раз-

личие в обозначаемых ими объектах. В словаре была сделана попытка последовательного объединения их под наиболее употребительным термином, см., например, «фразеологическая единица», «сильный приступ» и т. п. Следует заметить при этом, и это вытекает из всего, что было сказано выше, что таксономический и метатаксономический уровни нередко оказываются настолько тесно переплетенными, что разделить их очень трудно. Вместе с тем без такого разделения не может быть и строго научной таксономии. Если данные дублеты (триплеты и т. д.) лишь по-разному называют один и тот же объект, то при нормализаторском подходе от них надо стараться как можно скорее освободиться. Если же они дают возможность или же имеют целью выявить, грубо говоря, в этом же объекте разные стороны или аспекты, то их возникновение и употребление становится не только вполне оправданным, но и необходимым для развития научной мысли. (Например, «макрофонема» может быть принята как «полезный» дублет к «фонеме» вследствие ее соотносительности с «микрофонемой».) Поэтому нужен детальный анализ как можно более обширного словоупотребления для того, чтобы узнать, какая из двух категорий явлений действительно имеет в данном случае место. Например, если употребление термина «парадигма», который являлся в свое время дублетом по отношению к термину «образец» или «тип склонения», раскрывает в этом объекте какие-то новые стороны или моменты, то этот термин непременно надо ввести в соответствующий метаязык и обеспечить ему полные права гражданства. Дублеты (триплеты и т. п.) надо тщательно отличать от фонетических, орфографических, морфологических и др. вариантов терминов, таких как «хиатус» — «гиатус», «алломорф» — «алломорфа», «аллофон» и «аллофона» и т. п. Однако поскольку эта проблема не решена еще и для естественного языка, для метаязыка может быть лишь предложено предварительное рабочее решение.

Поскольку основной задачей словаря было возможно более полное описание современного метаязыка советского языкознания и попытка представить не только по возможности полный перечень тех слов и выражений, которые можно считать составляющими обиход нашего научного общения, но и показать их реальное функционирование как в иллюстрациях употребления, так и в метареции данного автора, вопрос о каком бы то ни было рода конфронтациях и сопоставлениях данного метаязыка с другими можно было с полным основанием вообще снять, отложив его до другого издания этой же работы или даже вообще выделить его в предмет отдельной книги. Вместе с тем уж очень заманчивой показалась попытка уже сейчас как-то способствовать доведению нашей терминологии (а следовательно, и системы лингвистических понятий) до более широкого круга языковедов, учитывая также то обстоятельство, что за рубежом до сих пор о наших работах знают далеко не достаточно, рассматривая наше языкознание в основном сквозь призму проникновения к нам дескриптивной лингвистики, глоссематики и других «заграничных» веяний и не понимая в достаточной степени специфики нашей собственной лингвистической традиции.

В такой ситуации сейчас же и вполне естественно возникает понятие «перевода» собранных терминов. Но как легко убедиться (про-